

К тому времени как Се Янь переоделся и спустился вниз, жареный рис Цуй Хао был уже готов.

Парень разложил его по двум тарелкам: порцию побольше он пододвинул Се Яню, а ту, что поменьше, оставил себе.

Се Янь: «...»

— Я не то чтобы сильно голоден, просто захотелось перекусить за компанию, вот и положил себе совсем немного, — поспешил объяснить Цуй Хао.

Услышав это, Се Янь ничего не сказал и молча принялся за еду.

— В сегодняшней ситуации я действительно повёл себя неправильно, — тихим голосом заговорил Цуй Хао, уткнувшись в свою тарелку. — Если в будущем я снова столкнусь с чем-то подобным, я сразу же отвечу резким отказом.

— Ты что, планируешь снова с этим столкнуться? — Се Янь замер, держа ложку на весу.

— Конечно же нет, — Цуй Хао поднял на него глаза. — Если получится вообще избегать таких ситуаций, это, разумеется, лучший вариант.

— И что же ты тогда хочешь мне сказать?

Цуй Хао: «???»

Парень растерялся, не понимая, к чему клонит мужчина.

Се Янь посмотрел на него; его красивые, правильные черты лица оставались абсолютно бесстрастными.

— Разве ты сам не говорил об этом в паркинге? Что это я притащил тебя туда, и что корень всей проблемы кроется во мне.

— Я... я вовсе не это имел в виду! — в панике замахал руками Цуй Хао.

— А почему бы и не это? — парировал Се Янь. — Разве не я привёл тебя в тот клуб? Разве не я стал первопричиной?

Цуй Хао: «...»

— Так что же тебе следовало сказать сейчас?

Цуй Хао: «...»

— Тебе следовало сказать: «В этой истории я действительно совершил ошибку, но и вы, господин Се, не совсем правы. Поэтому в следующий раз, пожалуйста, не таскайте меня по подобным заведениям».

Цуй Хао опешил. Именно об этом он и думал в глубине души, но никак не ожидал, что Се Янь сам озвучит его мысли.

— Вы... вы не злитесь?

Се Янь тихо хмыкнул:

— Когда ты отчитывал меня на подземной парковке, ты что-то не особо походил на человека, который боится моего гнева.

Цуй Хао: «...» Ну так тогда же им просто двигали эмоции, разве нет?

— Ну а сейчас? Вы ведь больше не сердитесь, правда? — осторожно спросил Цуй Хао.

— А ты? — вместо ответа бросил Се Янь.

— Я уже давно остыл, — Цуй Хао открыто посмотрел на него. — Между нами изначально установлены определённые отношения, так что ваша реакция на то, что я добавил чужой WeChat, вполне объяснима. Вы правы: независимо от моих истинных мотивов, я совершил то, чего делать не следовало, да ещё и на глазах у стольких людей. Это, без сомнения, ударило по вашему авторитету.

Все они возвращаются в одном кругу, и если бы эти слухи поползли дальше, Се Янь знатно потерял бы лицо. Даже когда наёмный работник решает сменить компанию, он делает это втихую, а не сканирует QR-код другого босса прямо посреди банкета.

— В общем, больше такого не повторится, — твёрдо подытожил Цуй Хао.

Се Янь разглядывал его открытое, мужественное лицо, и чем дольше он смотрел, тем больше понимал, как сильно этот парень ему по душе.

В какой-то момент ему до безумия расхотелось есть этот несчастный жареный рис — вместо этого возникло непреодолимое желание прямо сейчас опрокинуть мальчишку на этот самый обеденный стол и распробовать его как следует.

Вот только Цуй Хао на такое точно не подпишется.

Он всегда был излишне стыдливым в подобных вещах: стоило лишь предложить новую позу, как он краснел до корней волос на добрых полчаса, а если сменить место действия, то парень, пожалуй, зальётся румянцем с ног до головы.

Представив, как Цуй Хао весь вспыхивает от смущения, Се Янь ощутил, что его желание прижать его к столу стало только сильнее.

Подавив вспыхнувшую внутри вспышку страсти, он заставил себя опустить голову и продолжил неспешно отправлять в рот ложку за ложкой.

Видя, с каким аппетитом мужчина орудует приборами, Цуй Хао окончательно убедился, что гроза миновала. Он больше не нарушал тишину, и они вдвоём спокойно закончили ужинать.

Стоило Цуй Хао вымыть последнюю тарелку, как Се Янь тут же принялся подгонять его, отправляя в душ.

Парень бросил взгляд на настенные часы — и правда, стрелки уже подобрались к их привычному времени для сна.

Он прихватил свою пижаму, ушёл в ванную комнату при гостевой спальне, а когда вернулся с ещё влажными, не до конца просушенными волосами, Се Янь незамедлительно утянул его под тёплое одеяло.

Несмотря на то, что это происходило между ними далеко не в первый раз, Цуй Хао каждый раз

неизменно смущался, как мальчишка.

Се Янь, забавляясь его робким и ровным счётом никуда не девшимся стыдом, не стал выключать свет, а лишь убавил яркость до мягкого, интимного полумрака.

Лицо Цуй Хао вспыхнуло ещё сильнее, и он неловко пробормотал:

— Свет...

— А что не так со светом? Прекрасно горит, — намеренно поддразнил его Се Янь.

Цуй Хао: «...»

— Выключите, пожалуйста, — едва слышно попросил он.

Се Янь придвинулся к самым его губам и вкрадчиво прошептал:

— Если я выключу свет, как я смогу хорошенько тебя разглядеть?

Цуй Хао: «...»

Парень искренне не понимал, что там можно так тщательно разглядывать.

Он приподнял веки и устремил на Се Яня умоляющий, беззащитный взгляд.

Поймав этот чистый, хрустальный взор, Се Янь ласково провёл ладонью по его лицу, мягко заставляя прикрыть глаза.

Он нежно поцеловал его в закрытые веки, а затем опустил ниже, накрывая своими губами его губы.

Цуй Хао послушно отвечал на поцелуй, однако в его затуманивающемся сознании всё ещё билась одна упрямая мысль:

— Свет... — напомнил он в перерыве между дыханием.

Се Янь тихо рассмеялся, поражаясь его невероятной, почти детской наивности.

Услышав этот смешок и умирая от страха, что мужчина продолжит над ним подшучивать, Цуй Хао перехватил его ладонь, прижал к своей горячей щеке и легонько потёрся о неё, как ласковый котёнок.

— Пожалуйста, выключите, — мягко, с затаённой нежностью попросил он.

— Ты сейчас что, всю ластишься ко мне? — протянул Се Янь.

Цуй Хао покорно кивнул, всё ещё крепко удерживая его пальцы в своей руке.

В этот момент он выглядел настолько трогательно и беззащитно, что у Се Яня внутри словно что-то дрогнуло. Сердце мужчины окончательно оттаяло, и он, уступая чужой просьбе, послушно нажал на кнопку выключателя, погружая комнату во тьму.

Только тогда Цуй Хао смог облегчённо выдохнуть. Однако не успел он до конца расслабиться, как его тут же сжали сильные, властные объятия.

Тело парня мгновенно сковало напряжением, он замер, боясь сделать даже лишний вдох.

Се Янь покрывал поцелуями его чувствительную шею, а затем, уверенно перехватив за плечи, перевернул лицом к себе.

Лавина страстных, всепоглощающих поцелуев обрушилась на него, подобно летнему ливню, не оставляя без внимания ни одного сантиметра его тела.

Цуй Хао неосознанно обвил его руками, сильнее прижимаясь к этому горячему телу, и полностью растворился в этом бушующем потоке, позволяя хлынувшей воде поглотить себя без остатка.

Эта ночь тянулась бесконечно долго и была наполнена удивительной нежностью. Комнату заливал призрачный, подёрнутый дымкой лунный свет, навевая на Цуй Хао сонливость и приятную истомику.

Он лежал, уютно устроившись на груди Се Яня, когда сквозь подступающую дремоту смутно различил чужой вопрос:

— Так какие песни ты там репетировал?

— Что?.. — Цуй Хао не сразу сообразил, о чём речь.

— Ты ведь сам говорил в паркинге, что специально разучил несколько композиций. Что это за песни? — мягко повторил Се Янь.

Сон с Цуй Хао как рукой сняло.

Он замер и погрузился в глухое молчание.

Се Янь крепче обнял его за талию и придвинулся ближе:

— Всё ещё дуешься на меня?

— Нет, — отозвался Цуй Хао.

— Тогда почему не хочешь говорить?

Цуй Хао: «...»

Он приподнял голову и попытался взглянуть в чужое лицо сквозь плотную завесу темноты.

Разумеется, он не злился. Просто ему было... безумно неловко.

Се Янь не стал давить. Если Цуй Хао так сильно не хочется раскрывать карты, он не собирался тащить из него слова силой.

— Ложись спать, — негромко скомандовал он.

— «Тысяча веков», — едва слышным шёпотом выдавил Цуй Хао.

Оказалось, Се Янь никогда раньше не слышал об этой песне.

— И как она поётся?

Цуй Хао: «...»

Ему захотелось провалиться сквозь землю от стыда.

Именно этого он и боялся больше всего: что стоит ему назвать название, как Се Янь тут же попросит его спеть.

Одно дело — петь в караоке-боксе под громкую музыку, и совсем другое — исполнять что-то живую, без аккомпанемента, прямо в постели Се Яня, находясь в его объятиях после всего того, что между ними только что произошло.

Чувствуя себя невероятно глупо и неловко, он упёрся подбородком в чужую грудь и снова замолчал.

Се Янь опустил голову, соприкасаясь своим лбом с его лбом:

— Не хочешь петь для меня?

Он с мягкой укоризной добавил:

— Ты же сам сказал, что репетировал её специально ради меня.

Цуй Хао: «???» Да когда это он говорил, что ради него?! Он вообще-то имел в виду, что разучивал её ради этого совместного похода в КТВ!

— Или ты всё-таки нагло мне соврал, и никакой песни не было? — продолжал наступать Се Янь.

— Ничего я не врал! — тут же принялся защищаться Цуй Хао.

— Ну так почему тогда не поёшь?

Цуй Хао: «...»

Парень мысленно стиснул зубы. «Ладно, была не была, спою! В конце концов, чего мне бояться?»

— Когда Земля была ещё совсем юной,

Мы зародились в бескрайних просторах пустынного океана... — тихо, едва уловимо полился из его уст мотив.

(Примечание: Цуй Хао поёт песню тайваньской рок-группы Mayday, основанная в 1997 году, под названием «One Thousand Centuries»)

Се Янь, который изначально собирался просто ещё немного подразнить мальчишку, затих, едва услышал первые звуки его голоса. Он больше не проронил ни слова, погрузившись в созерцательное слушание.

— Эволюция привела нас к Кембрийскому периоду,

И мы обрели позвоночник и смелость.

В один из дней мы впервые оставили свои следы на суше,

Научились обнимать друг друга руками, познали любовь

И вырастили в себе человеческое сердце...

«Человеческое сердце?» — Се Янь мысленно горько усмехнулся, глубоко сомневаясь в том, осталось ли внутри него самого хоть что-то человеческое.

Он сильнее замкнул руки на чужой талии, плотнее прижимая парня к своему телу.

От этого неожиданного движения Цуй Хао на мгновение запнулся, но эта заминка длилась едва ли секунду — он тут же выровнял дыхание и продолжил:

— А-Ха, я хочу вместе с тобой

Пройти рука об руку целую тысячу веков.

С каждым новым рождением я жажду нашей встречи,

И каждое новое перерождение — только ради тебя...

Его исполнение было невероятно мягким, низким и глубоким. В тишине этой ночи от его голоса веяло каким-то особенным, умиротворяющим теплом.

Се Янь заврожённо вслушивался в этот бархатный шёпот. Тьма надёжно скрывала мимику Цуй Хао, лишая возможности рассмотреть выражение его лица, поэтому мужчине оставалось ориентироваться лишь на слух, пока парень вновь запевал припев:

— А-Ха, я хочу вместе с тобой

Пройти рука об руку целую тысячу веков.

С каждым новым рождением я жажду нашей встречи,

И каждое новое перерождение — только ради тебя...

«Какое красивое, чарующее признание», — подумал Се Янь.

Если бы на этом свете действительно существовал человек, который в каждой своей новой жизни мечтал бы встретиться именно с ним, и чьё каждое перерождение было бы посвящено ему одному... это было бы слишком прекрасно.

Но разве такое возможно в реальном мире?

Он молча баюкал Цуй Хао в своих объятиях, слушая, как тот заводит припев уже по третьему кругу.

Ночь стояла тёмная, тело Цуй Хао делилось с ним мягким, живым теплом, а его пение звучало настолько нежно и одновременно непоколебимо, словно всё это было чистой правдой. Словно этот мальчишка и впрямь был рождён в этом мире только ради их встречи, а все его прошлые жизни вели исключительно к нему.

Ближе к финалу голос Цуй Хао стал совсем тихим, постепенно угасая:

— Пока цивилизация вновь не обратится в прах,

В самый первый день после окончания тысячи веков,

Плечом к плечу посреди Эдемского сада

Мы будем с улыбкой наблюдать, как гаснет само Солнце...

Последняя нота растаяла в воздухе, и Цуй Хао робко приподнял веки, пытаясь уловить реакцию Се Яня.

Мужчина выдержал долгую паузу, прежде чем негромко произнести:

— Очень красиво.

Немного помолчав, он добавил:

— Ты пел эту песню кому-нибудь ещё?

Цуй Хао поспешно помотал головой. Эта композиция запала ему в душу совсем недавно, он лишь на днях начал крутить её на повторе и даже не успел ни разу исполнить в караоке.

Услышав это, Се Янь, кажется, остался крайне доволен. В темноте скользнула довольная, едва заметная улыбка.

— Когда я в следующий раз поведу тебя в КТВ, исполнишь её для меня ещё раз.

Цуй Хао вскинул брови:

— Неужели будет следующий раз?

Се Янь тихо рассмеялся:

— Не переживай. Это будет совершенно другое караоке, совсем не похожее на сегодняшнее.

Только после этих слов Цуй Хао окончательно успокоился.

Уютно примостившись под боком у Се Яня и чувствуя, как между ними воцарилась удивительно тёплая, гармоничная атмосфера, он наконец набрался смелости озвучить мысли, которые крутились в его голове уже какое-то время.

— Господин Се, — едва слышно позвал он. — Можно мне кое-что с вами обсудить?

— М? Что именно?

— В общем... если в будущем, когда мы будем куда-то выходить вместе, кто-то спросит о характере наших отношений... мы могли бы говорить, что я — ваш друг?

Се Янь промолчал.

Цуй Хао испугался этой тишины и поспешно добавил:

— Я, разумеется, прекрасно помню, кто я такой и какое место занимаю. Но именно из-за моего двусмысленного статуса сегодня и произошла вся эта грязная история. Те люди решили, что раз уж я сегодня продаюсь вам, то завтра точно так же смогу лечь под них. Именно поэтому они позволили себе говорить со мной в таком тоне. Но если бы меня представили как вашего

друга, подобной неловкости просто не возникло бы.

— Это помогло бы избежать огромного количества проблем в будущем.

Се Янь неожиданно искренне рассмеялся.

Он никак не ожидал, что Цуй Хао заведёт с ним разговор на подобную тему.

Однако, должно быть, текущая обстановка была излишне убаюкивающей, а строчки из только что спетой песни всё ещё нежным эхом отзывались в его мыслях, поэтому эта просьба не вызвала у него ни малейшего отторжения или недовольства.

— Послушай, студент Цуй Хао, ты сейчас что — пытаешься выбить у меня официальный статус? — Се Янь понизил голос до интимного шёпота и шутливо прикусил паренька за мочку уха.

Цуй Хао мгновенно замотал головой:

— Конечно нет!

У него и близко не было таких грандиозных амбиций. Ему просто безумно не хотелось вновь пережить тот кошмар, что случился сегодня, и уж тем более он не желал больше ссориться с Се Янем по таким пустякам.

— Если вы против, то забудьте, я не настаиваю, — тихо обронил он.

— Я согласен, — Се Янь крепче прижал его к груди. — Наш прилежный студент Цуй Хао так редко о чём-то меня просит, с чего бы мне отказывать ему в таком скромном статусе?

Цуй Хао: «...»

— Вот только со стороны это звучит так, будто ты планируешь хранить мне верность до гроба и никого больше к себе не подпускать.

Цуй Хао: «...»

— Раз ты молчишь, я буду считать это знаком согласия.

—...Я спать хочу, — в панике отрезал Цуй Хао, пытаясь уйти от темы.

Он плотно сомкнул веки и больше не проронил ни слова. Сквозь подступающий сон до его слуха донёлся тихий, бархатный смешок Се Яня, а затем парень почувствовал, как к его лбу нежно прикоснулись чужие губы:

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — послушно отозвался он.

Услышав его ответное пожелание, Се Янь тоже закрыл глаза.

В ту ночь ему впервые за долгое время приснился удивительно светлый, хороший сон. Ему снилось, будто они с Цуй Хао сидят плечом к плечу посреди бескрайнего Эдемского сада и замороженно наблюдают за тем, как за линию горизонта медленно опускается огромное солнце.

Цуй Хао поворачивается к нему и спрашивает: «Господин Се, а вам больше по душе рассветы или закаты?»

«Закаты», — отвечает он во сне.

«Но почему?» — искренне не понимает парень.

«Потому что закат всегда знаменует собой финал».

Окончание долгого дня. Завершение чьей-то жизни.

Человек рождается в этот мир не по своей воле, у него нет права выбора. Но вот решить, когда именно ему стоит покинуть этот мир — это то, что подвластно каждому.

Некоторые люди попросту не заслуживают права топтать эту землю.

Именно поэтому он имеет полное право самостоятельно выбрать свой собственный закат.

Во сне он пристально разглядывал полыхающее в небесах золото солнца, напоминающее по форме яичный желток, а в его ушах явственно, до мельчайших интонаций, продолжал звучать чистый голос Цуй Хао:

— А-Ха, я хочу вместе с тобой

Пройти рука об руку целую тысячу веков.

С каждым новым рождением я жажду нашей встречи,

И каждое новое перерождение — только ради тебя...

Вот только какая жалость: в реальной жизни не было ни одной живой души, чье перерождение было бы предназначено ради него одного.

<http://bllate.org/book/17744/1692055>